



Николай Перевозчиков г. Челябинск

Тимофеева яма *Притча*

Давно это было...

Жил в нашем селе кузнец Тимофей. Роста он был высокого, плечи имел широкие, кудри – льняные, а глаза – цвета васильков.

Жена его, Иринushка, – под стать ему, ладная да румяная; и ребятишки у них – послушные да работающие.

А слава о кузнеце далеко по деревням и сёлам гуляла. Мастер он был превосходный, работал ловко да споро. Лошадь подковать или борону подправить – это он в один момент сладит. Не было на селе такого случая, чтобы кто-то работой кузнеца был недоволен.

Год назад выковал он железную узорчатую ограду вокруг сельской церкви. Так даже из города люди приезжали, чтоб полюбоваться на этакую красоту.

А в кузнице у Тимофея в помощниках медведь ходил. Его Тимофей ещё несмышлёнышем в лесу повстречал. Видимо, отстал он от медведицы или что иное приключилось – неизвестно, только взял кузнец медвежонка к себе в дом и вырастил его. Сначала мишка с Тимофеем в кузницу с опаской заходил, от огня жмурился, от стука молота в угол забивался, но потом ничего – пообвык.

И вот как-то пришла Тимофею мысль в голову – из медведя молотобойца сделать, сила-то у него немереная. Сельчане, прослышав про его затею, посмеивались сначала, но не прошло и года, Тимофей при помощи старания и терпения научил мишку кузнечному ремеслу. Сшил он медведю кожаный фартук, чтоб раскалённая окалина от металла на шерсть ему не попадала, и молот у мишки особый был. На конце деревянной ручки была верёвочная петля приспособлена, мишка в неё лапу просовывал, чтоб во время работы молот из его лап ненароком не вырвался. Встанет Тимофей возле наковальни, одной рукой клещами раскалённую заготовку держит, а другой рукой молоточком по ней постукивая, медведю показывает, где ему молотом ударить нужно. Ну, мишка рад стараться, первое время, бывало, так ахнет молотом, аж наковальня затрясётся, а от заготовки тонкая лепёшка остаётся. Тимофей, понятное дело, был недоволен, но вида не показывал, а со временем научил мишку вполсилы молотом работать.

А в воскресный день наденет кузнец рубашку белую, причешет волосы гребнем и пойдёт по улице. Рядом жена в сарафане нарядном, впереди дети: сыновья все в отца лицом удались, дочери – в матушку родимую. Кто повстречается – поздоровается, а пройдёт – оглянется и подумает: «Эх, и ладная у Тимофея семейка!»

Из соседних деревень да сёл стал народ к кузнице Тимофея съезжаться, работу привозить. Вот станет он их пытаться:

– Что же это вы, в такую даль ко мне колесите, аль у вас в деревне кузнецы повывелись?

– Да нет, – говорят, – кузнецы на месте, и заказ исполнят они вовремя. А вот будут ли их поделки долго служить, то ещё неизвестно. А что у тебя делается, тому износу нет.

Прослышали про то кузнецы из соседних сёл да деревень и стали прилежнее свою работу справлять, чтоб показать, что они в мастерстве Тимофею не уступают и ничуть не хуже его работать умеют.

Но нашлись три кузнеца: Селиван Пашнин из деревни Перепёлкино, Семён Астахин из села Боярцево да Никита Скрипченко из села Осташкино. Кузнецы-то они были

никудышные – один поспать да поболтать любитель, другого за уши от рюмки не оттащишь, а третий вроде и старательный, но не подумавши за работу хватается, а потом несколько раз её переделывает. И вот задумали они отвадить народ от Тимофея, сделать так, чтоб молва о нём как о мастере угасла.

Говорит Селиван:

– Есть у меня топор заморской работы, от прадедов достался, так лезвием того топора можно запросто гвозди рубить. Вот принародно покажу я Тимошке тот топор да скажу, что сам его сковал, – пусть он попробует такой же сробить, ни в жизнь не получится. Осрамится он.

На том и порешили. Явился Селиван на следующий день к Тимофею и давай топориком поигрывать: вот, мол, смотри, народ, какую я диковинку смастерил. И с этими словами положил на наковальню толстый гвоздь, лезвием топора по нему ударил да усмехнулся:

– Был один гвоздь, стало два.

Подошёл Тимофей, взял в руки топор, головой покачал:

– Не сороке в поднебесье летать, не тебе своими поделками народ дивить. Ты бы, прежде чем чужую работу присваивать, подумал: а что если я скажу тебе второй такой же топор сделать? Сробишь?

Молчит Селиван.

– То-то, – говорит Тимофей. – Завтра к обеду приезжай ко мне с этим топором, а я за это время свой сделаю. Вот мы и проверим, чей инструмент крепче окажется.

На следующий день собрался народ возле кузницы – всякому любопытно, чем спор закончится. Вышел Тимофей, показывает топор, что за ночь выковал. А потом достаёт железный прут с вершок толщиной, кладёт его на наковальню. Размахнулся, топором ударил, рассёк прут на две части.

– Теперь твой черёд, – говорит Тимофей Селивану.

Подошёл Селиван, повертел прут в руке, бросил на наковальню, взмахнул топором, ударил – лишь до половины прут рассёк.

– Экий ты неловкий! – Взял Тимофей из рук Селивана топор, примерился и – раз по железному пруту! Кусок лезвия топора и отскочил.

– Ты чё натворил? – побледнел Селиван. – Вещь заморскую спортил. Отдавай мне взамен свой топор, иначе на всю жизнь врагами сделаемся.

А Тимофей и говорит:

– На, бери. Нужда будет – другой сделаю.

Народ вокруг хохочет – вот как получилось!

Вновь собрались Селиван, Семён да Никита.

– Что же это выходит? Хотели осрамить Тимошку, а наоборот всё повернулось, только славы ему добавили...

– Если так дело пойдёт, без хлеба останемся.

Тут Семён и говорит:

– То, что Тимошку в мастерстве нам не одолеть, это ясно. А мы его с другого боку возьмём. Будем к нему по очереди в гости ездить, его работу хвалить, самого славить да водочку с ним пить. А коль к чарочке потянется, тут и конец его мастерству придёт.

И что же? Зачастили кузнецы в гости к Тимофею. Приедут, хвалят, работой его восхищаются:

– Ай да кузнец Тимофей Васильевич! Тебе бы в самом Петербурге работать с таким-то талантом...

– Уважь, сделай милость, сядь с нами, чтоб потом всем могли похвалиться, что пили, дескать, с самим Тимофеем Васильевичем!

А Тимофей всё за чистую монету принимает, не отказывается.

Семён-то как в воду глядел: не прошло и полгода, перестал народ из соседних деревень да сёл к Тимофею ездить. Да и в родном селе пошла молва худая:

– Спортился наш кузнец, плоховато стал работать. Да и когда ему делом заниматься, коли у него Семён, Селиван да Никита днюют и ночуют да постоянно одну и ту же песню тянут: с таким знатным мастером, мол, да за одним столом и честь большая выпить.

И в семье у Тимофея всё вкривь да вкось пошло: если раньше Иринушка была мастерицей песни петь, то теперь стала молчаливой да задумчивой, а ребятишки – угрюмыми да задиристыми.

А тут ещё история с медведем вышла. Как-то во время очередной пирушки при-

шла блажь в голову кузнецу Семёну Астахину. Захотелось ему, чтоб Михайло под балалайку кадрили сплясал. Тут, к слову сказать, Тимофей заступился за мишку:

– Пляскам Михайло не обучен, а вот научил я его молотобойцем в кузнице работать. И славно он с этим делом справляется.

– А я его сейчас и плясать заставлю.

И с этими словами подскочил Семён к медведю, схватил его за лапу:

– Ну-ка, давай пляши, медвежья морда.

Никто и глазом не успел моргнуть, а мишка свободной лапой слегка задел Семёна за плечо, тот и отлетел к противоположной стене. Тут Тимофей из-за стола поднялся:

– Ты что это, Михайло, друзей моих обижаешь?

Подошёл он к двери, распахнул её:

– Иди прочь с глаз моих!

Михайло посмотрел на хозяина, шумно вздохнул и вышел за порог. А на следующий день, когда медведь ни в избе, ни в кузнице не объявился, Тимофей забеспокоился, бросился его искать, но всё напрасно. Пропал мишка, и всё тут.

А был в селе старый дед Анисим; вот он и говорит:

– А чё, ребята, надоть кузнеца проучить, чтоб он от водочки бегом бегал.

– Как же проучить его?

– Есть у меня думка. Надо только, чтоб народ мне помог малость. Чаю, Тимофей направится – парень он совестливый.

– Сказывай, дед, чего делать надо.

Вот на следующее утро пришёл дед Анисим к Тимофею и говорит:

– Слышь, друг, беда у меня приключилась, телега в болоте увязла, подмогни, вытащи её на сухое место. Я уж тебя отблагодарю.

А Тимофей в ответ:

– Идём, показывай, где твоя телега.

Вот вышли за деревню, идут по дороге. Дед Анисим сзади тащится, охает:

– Ой, ноженьки мои, совсем неходячие стали. Слышь, Тимофей, сворачивай направо, через луг ближе будет.

Свернул Тимофей направо, прошёл шагов двадцать по лугу, и вдруг – что за напасть? – ушла из-под ног земля и полетел он вниз. Встал, огляделся – находится он в яме. Вверх голову задрал – яма-то глубокая,

аршина четыре с половиной будет. Хорошо ещё, что на дне ямы толстый слой соломы оказался, а то и ноги недолго переломать.

А сверху голос деда Анисима раздаётся:

– Тимофей, куды это ты угодил? Не поранился ли, родимый? И какому дурню приспичило яму тут вырыть? Я вот догадку имею, не иначе, это гончар, Иван Савичев, руку приложил. Яму выкопал и, верно, глину здесь добывает для своих поделок. А сверху ветками её прикрыл, чтоб ветром мусор какой в неё не заносило, даже заботы не поимел, что сюда скотина какая или человек может угодить.

А Тимофей потирает ушибленное плечо.

– Ты бы, дед, чем языком молоть, лучше за верёвкой сходил бы да вытащил меня отсюда.

– Понял, будь спокоен, я сейчас в село сбегая, верёвку притащу, и тебя из этой ямы вызволю.

Ушёл дед Анисим. Сидит Тимофей в яме – время идёт, а деда всё нет.

– Да куда он, старый, подевался? За это время можно десять раз назад вернуться.

Уж темнеть стало, дело к ночи клонится.

«Не приключилось ли чего с дедом?» – думает Тимофей.

Вдруг слышит, наверху старческий голос дребезжит, частушку выводит:

– *Отчего конфетки сладки?*

На них сахарный песок.

Отчего девчонки баски?

На них краски на вершок...

«Никак Анисим надрывается... – удивился Тимофей. – Что это на него веселье вдруг нахлынуло?»

Угадал Тимофей: заглядывает в яму дед Анисим и нараспев говорит:

– Голубь ты мой, Тимофеюшка. Я вот вернулся к тебе, любопытствовать хочу: зачем это я в село подался?

– Да ты никак напился, старый? Я тут в яме сижу, а ты...

От ярости Тимофей говорить не может, задыхается.

А дед Анисим в ответ:

– Вон кума встренул, а у него именины, ну и пригубил чарочку малую.

– Ты ответь мне, дед, принёс верёвку? – грозно спрашивает Тимофей.

– А... Вспомнил, верёвку же надобно. Ну, ты не сердчай шибко, я это дело мигом исправлю.

А Тимофей разошёлся, не остановить его:

– Ах ты, старый пень, поманили тебя бутылочкой, ты и о деле забыл! Подожди, вот выберусь я наверх, покажу тебе, где раки зимуют!

– А ты шибко не ругайся! Ты вон сперва на себя глянь. Я вон тебя намедни просил ось для телеги подладить, а ты мне в ответ? Иди, мол, дед, со своей телегой, у меня гости, пируем вместе. Тоже о деле запамятовал. А ещё учить лезешь старика. А за то, что ты мне грозить удумал, я тебя совсем из ямы вытаскивать не стану, сиди в ней, пока мохом не обрастёшь.

Сказал так дед, запел опять песню и ушёл.

А Тимофей в яме сидит и думает: «Ужели и вправду дед не вернётся, чтоб меня выволить?»

Вдруг слышит Тимофей стук копыт и скрип телеги.

«Похоже, мимо кто-то едет. Позвать на помощь, что ль? Стыдно – насмешки в селе будут, что в яму попал. А если дед обо мне забудет, тогда что?»

Набрал Тимофей воздуха в грудь и несмело так крикнул:

– Помогите!

Подождал малость, а стук копыт как бы удаляться начал.

Представил Тимофей, что ему в яме всю ночь придётся просидеть, и затрубил во всю глотку: «Помогите, люди добрые!»

Прекратился стук копыт, потом шаги наверху раздались и голос тревожно спрашивает:

– Кто здесь?

А Тимофей в ответ:

– Да вот, в яму упал... Не можешь ли мне верёвку бросить да из ямы вытащить?

А голос наверху:

– Рад помочь, да верёвки нету. А вожжи с лошади снимать времени нет – бабу свою в город к фельдшеру везу. Ошпарилась она щами. Намедни попросил кузнеца нашего, Тимофея, ухват отковать. Так он с похмелья, видать, металл пережёг. Баба чугунок со щами стала вытаскивать с печи, а ухват и поломался, щи бабе под ноги-то и разлились. И что случилось с кузнецом? Ума не приложу. Был кузнец – все деревни да сёла нам завидовали, – а как стал с водкой друж-

бу иметь, ухват завалящий сделать не смог. Ну ладно, ты не обижайся. Из города буду возвращаться, подсоблю тебе.

И опять скрип телеги да стук копыт. Сидит Тимофей, молчит, и самого-то будто кто кипятком обдал.

«Что же это получается? – думает. – Видать, действительно разучился я работать. Это ж позор – ухват отковать не смог, человека покалечил...»

Стал Тимофей вспоминать, как он в последнее время делом занимался. Вышло, что и работать-то ему некогда было: то он в гостях, то гости у него, то он пьян, то с похмелья.

– Эх ты, яма проклятушая! Вот только выберусь я из тебя – верну себе славу былую кузнеца первого...

Карабкается Тимофей наверх, срывается и снова кверху стремится. Сколько времени прошло, неведомо. Только вдруг услышал он, как кто-то к яме приближается. Ветка хрустнула, трава зашуршала. Тимофей обрадовался, уж собрался голос подать, но шаги стихли, какое-то сопение раздалось, а потом кто-то в яму сверху заглянул. Тимофей присмотрелся: «Так это же мишка!» Видимо, когда он на помощь звал, мишка услышал его голос и явился.

Наклонился медведь над ямой и свою лапу Тимофею протянул. Ну, Тимофей изловчился, рванулся кверху и за медвежью лапу ухватился, а мишка потянул Тимофея на себя и из ямы вызволил. Обнял кузнец медведя: «Спасибо тебе, Михайло, что в беде меня не оставил». И ещё попросил у медведя прощения за то, что обидел его, и сказал: «Пойдём, Михайло, в кузницу, работа там нас ждёт».

Только зорька узкой полоской зардела на востоке, а в кузнице всю работу кипит, зычный голос Тимофея раздаётся.

На другой день приехал кузнец Никита да опять старую песню завёл, что, дескать, с большим мастером и выпить честь большая, то да сё...

А Тимофей ухмыляется:

– Ты давай-ка одевай кожаный фартук да становись со мной за наковальню. Тогда и будет тебе честь, что я тебя кузнечным тонкостям обучать стану.

Никита осёкся, но фартук живо надел.

Спустя какое-то время вернул себе Тимофей былую славу первого кузнеца в округе. А кузнецам, что к нему поучиться ездили, всё показывал, ничего не утаивал, да только никто его перещеголять не смог. Тут так: чтобы большим мастером своего дела быть, родиться с талантом надо.

А на селе яму, куда Тимофей провалился, так теперь и звали – «Тимофеева яма». Да Тимофей не обижался, даже наоборот. Идёт, бывало, по дороге, свернёт к яме, постоит, подумает, улыбнётся чему-то и дальше в путь отправится.

Прошло лет пять. Стал Тимофей замечать, что мишке молотом по наковальне стучать тяжеловато стало. И решил он его от работы в кузнице освободить. Первое время мишка крепко обижался, что его Тимофей в кузницу перестал брать. А потом ничего, пообвык, другое занятие нашёл.

Сдружился он с дедом Анисимом, в селе дед заядлым рыбаком слыл. Вот и стал он мишку с собой на рыбалку приглашать. На улице чуть-чуть только рассветает, подойдёт он к дому Тимофея и кричит:

– Эй, Михайло, пойдём рыбу удить!

Мишка тут же из избы выскакивает и к деду.

Вот приходят они к речке, дед Анисим на берегу с удочками располагается, а мишка зайдёт в воду по пояс и смотрит. Рыба какая проплывает мимо, он лапой её хватать да на берег выбрасывает. А поближе к полудню дед Анисим разговор заводит:

– Ты уж давай, родимый, из воды вылезай! Я тебе обед приготовил – шаньги с творогом. Что-то мы сегодня с тобой перестарались маленько, вон, глянь, сколь рыбы выловили – гора целая! Пройдусь-ка я в село да попрошу мужиков рыбу забрать. Сегодня опять в каждом доме бабы будут уху варить да пироги рыбные печь.

Так что дед Анисим и мишка жителей села чуть ли ни каждый день заставляли рыбные дни устраивать. Но только никто не жаловался.

А тут ещё такая история вышла. Остановился недалеко от села табор цыганский. Ну, остановился и остановился. По вечерам костры жгут, песни поют. Цыганки по селу ходят, погадать предлагают, товар просят у

них купить: колечки, бусы, серёжки разные.

Постоял табор с недельку, и тут как-то вечером быстренько собрались цыгане и уехали. А наутро не досчитались жители села двух коней и мишка пропал. Тимофей и другие сельчане на лошадей повскакали и вдогонку за табором бросились. Только из села выехали, видят – бежит к ним навстречу мишка и гонит трёх коней перед собой. Двух лошадок хозяева сразу признали, а вот третья ничейная оказалась.

К полудню устроили в селе сход. Собрался народ, решает, что делать с чужим конём. Дед Анисим предложил, если в течение трёх дней объявится хозяин – вернём ему пропажу, но сначала ответ пусть даст, зачем воровство в селе учинили. А если никто не придёт, тогда лошадь передадим семье Аникиных. У них шесть малых детей, и в нужде живут. На том и порешили.

Прошло три дня, неделя, за конём так никто и не пришёл. А медведь на всю округу стал известен. Народ стал в село приезжать, любопытствовать, что это за мишка такой диковинный: и в кузнице молотобойцем может работать, и рыбу ловить, а тут ещё у цыган коня увёл. Сельчане быстро смекнули, что с этого дела можно прибыль поиметь. Стали они игрушки мастерить, из дерева фигурки мишек вырезать. Вот медведь на пеньке сидит, на гармошке играет, а этот в лапах бочку с мёдом держит. И такие ладные и забавные эти игрушки получались, что на ярмарках народ их охотно покупал.

А Тимофей приезжим людям, что к нему в кузницу приходили и про мишку расспрашивали, подкову на счастье дарил. Но подкова особая была, в два раза меньше настоящей, и клеймо на ней выбито было: стоит мишка возле наковальни с молотом в лапах. Сделает Тимофей подарок и скажет: «Повесишь её над дверью, следом, глядишь, и счастье объявится в твоём доме». Люди улыбались и верили кузнецу. Да и что тут мудрёного, ведь каждому человеку хочется, чтоб счастье его стороной не обходило.

Правда или нет, но молва в народе ходит, что у тех, кому кузнец подкову подарил, следом достаток в дом пришёл, а хворь да болезни отступили.

Больше произведений автора по ссылке
www.stihi.ru/avtor/perevozchikov